

Получив сообщение от Сюй Сянчжи, Сюй Яньцинъ едва не рассмеялся до слёз, лёжа в шезлонге. Он и представить не мог, что методы принцессы Цзинъань окажутся столь решительными и безжалостными — она вынудила Су Ханьфэна покинуть столицу, не оставив ему иного выбора.

— Сюй Яньцинъ, ты случайно не поправился в последнее время? — поинтересовалась принцесса Цзинъань, расправившись с делами Су Ханьфэна и собираясь возвращаться в столицу. Услышав, что Сюй Яньцинъ в Павильоне Юньшуй занимается испытанием новых блюд, она заглянула туда, чтобы развлечься.

Услышав это, Сюй Яньцинъ поднял руку и потрогал своё гладкое лицо, затем ущипнул себя за щёку — и правда, нащупал немного лишнего, мягкого.

— Похоже, действительно поправился, — пробормотал он.

Му Ю, принесший из маленькой кухни только что приготовленный сыр, как раз услышал слова молодого господина. Он поспешил возразить:

— Молодой господин вовсе не толстый! Просто раньше вы были чересчур худощавы. А сейчас — самое то.

Принцесса Цзинъань, смеясь, ела сыр и поддразнивала Му Ю:

— С таким слугой, как ты, ему и не потолстеть — просто невозможно.

Му Ю с лёгкой неловкостью почесал затылок, решив, что принцесса его хвалит.

Проводив принцессу, Сюй Яньцинъ коснулся своей слегка округлившейся талии и взглянул на Му Ю:

— Я и правда так сильно поправился? — Неужели он и впрямь расслабился в тиши и покое последних дней?

Му Ю очень серьёзно покачал головой:

— Нет, молодой господин, вы не толстый и не худой — вы идеальны.

— Вот и отлично! — Только зародившееся было сомнение мгновенно рассеялось без следа. В конце концов, о физических упражнениях не могло быть и речи, максимум — на пару кусочков меньше за обедом.

...

Ночью Сюй Яньцинъ вновь проснулся от необъяснимого жара и внутренней пустоты. Слабо уткнувшись лицом в одеяло, он вздохнул. В последние дни он плохо спал: стоило закрыть глаза — как во сне его охватывало плающее жаром беспокойство, будто тело само собой выходило из-под контроля.

Сюй Яньцинъ больше не подозревал себя в извращённых наклонностях. Теперь он начал сомневаться — а не подхватил ли он какую-то странную болезнь?

С этой мыслью он снова начал ворочаться в постели, словно лепёшка на сковороде. Сон как рукой сняло, да и всё тело казалось тревожно напряжённым.

Румянец, что лишь мгновение назад окрашивал его пухлые щёки из-за сонливости, быстро исчез, уступив место лёгкой бледности. Сюй Яньцинъ раздражённо сел на постели, подняв руку к груди — сердце колотилось как бешеное.

Когда тело начинало капризничать, Сюй Яньцинъ неизменно чувствовал раздражение. Но это раздражение появлялось будто бы из ниоткуда и не имело выхода, от чего ему становилось так обидно, что хотелось расплакаться.

Прежний хозяин этого тела приказывал Му Ю дежурить у двери по ночам, но Сюй Яньцинъ к такому не привык, и каждый вечер отправлял слугу отдыхать в его комнату.

Он встал с постели и распахнул дверь. Ночная гора открылась во всей своей красе. Хоть здесь и не было такого изобилия огней, как в современном мире, но в воздухе витала какая-то невыразимая тишина и умиротворение.

Ночной воздух был немного прохладным, небо — усыпанным звёздами, будто сказочный пейзаж. Но сейчас Сюй Яньцинъ был совсем не в настроении любоваться звёздным великолепием. Его охватывала сильнейшая тревога, а задняя часть шеи снова начала гореть и ныть.

Бах! Сюй Яньцинъ пнул шезлонг, стоявший во дворе, но в ногу совсем не оказалось сил — шезлонг лишь слегка качнулся и скрипнул, не двинувшись с места.

Сюй Яньциню вдруг показалось, что даже шезлонг издевается над ним, и от этого стало ещё более обидно. В раздражении он подумал о даосе из соседнего двора — том самом, что постоянно снился ему по ночам.

Цветение персиков в саду уже прошло, и теперь ветви были покрыты густой листвой. Сюй Яньцинъ сам не знал, что им движет: вроде бы не хотел наживать себе лишних проблем, но в порыве необъяснимого импульса всё же взобрался на персиковое дерево и посмотрел в сторону соседнего двора.

Позже он назовёт это состояние «будто бесы попутали». Так или иначе, под действием множества смешанных чувств — обиды, тревоги, раздражения — он, сам не понимая как, оказался на дереве и встретился взглядом с тем самым, похожим на небожителя, даосом.

Инь Яньцзюнь только что закончил просматривать стопку меморандумов и приказал Вэнь Цзину отнести их во дворец. Вероятно, из-за крепкого чая, выпитого вечером, сон к нему так и не пришёл. Он открыл дверь и вышел в свой двор.

Опустившись на колени у письменного стола под открытым небом, Инь Яньцзюнь поставил лампу на угол стола и медленно раскрыл книгу перед собой.

На нём была лишь простая белая ночная одежда, поверх которой он накинул на плечи дымчато-серый плащ. Волосы были аккуратно собраны в высокий узел, а лицо — такое же холодное и недоступное, как Сюй Яньцинъ его запомнил, — выглядело благородно и величественно, словно созданное лишь для того, чтобы на него молча взирали издалека.

Ветки персикового дерева зашуршали от веса Сюй Яньциня. Инь Яньцзюнь чуть приподнял взгляд.

На ветке, среди листвы, показалось лицо молодого господина — полное юной живости, с лёгкой ноткой наивности. Большие, влажные глаза блестели, будто полные жизни, но при этом

чуть покраснели, а на пухлых щёчках ещё виднелись следы слёз.

Встретившись с неожиданным взглядом Инь Яньцзюня, Сюй Яньцин чуть не покачнулся на ветке, будто испугавшись.

Инь Яньцзюнь посмотрел на юного гостя, застывшего на дереве, его ресницы едва заметно дрогнули. Он уже хотел что-то сказать, как вдруг увидел, что тот ловко перебрался с ветки на верхнюю часть стены и уселся там.

Стоило Сюй Яньциню увидеть этого будто не от мира сего даоса Сюаньчэня, как жар на его шее усилился. Он всхлипнул, и тут же уловил знакомый аромат персика.

Склонив голову, Сюй Яньцин поднял руку и коснулся задней части шеи. Аромат исходил от него самого, сладкий и тягучий, отчего подавленное возбуждение внутри только усилилось. Так он и сидел на стене, пуская по щекам две тонкие, жалобные слезинки.

В своей лёгкой ночной рубашке он выглядел хрупким, не в пример своему круглому личику. Фигура была изящной и утончённой, а в слезах — и вовсе трогательно-прелестной. Инь Яньцзюнь невольно вспомнил, как той ночью юный господин тихо умолял его, шепча прямо в ухо.

Невиданно для себя, Инь Яньцзюнь на миг задумался. А Сюй Яньцин тем временем нетерпеливо болтал ногами, свесив их со стены, и позвал:

— Даос!

Голос его был мягкий и чуть сладковатый, с обиженной ноткой, а губы — недовольно поджаты. Подул ветер, и худенькое тело юноши дрогнуло от холода. Красные от слёз глаза делали его ещё более жалким на вид.

Инь Яньцзюнь, наконец, очнулся от задумчивости. Его осанка осталась столь же безупречно прямой, как и всегда, голос — спокоен и прохладен:

— Молодой господин, зачем вы сидите на стене?

Тело Сюй Яньциня пылало, словно его охватил огонь. Он не сводил глаз с холодного и безучастного даоса во дворе, тайком ворча про себя, что этот человек ещё совсем недавно был горячим, как пламя, а теперь, стоило лишь встать с постели — и стал таким чужим, таким равнодушным.

— Жарко... не могу уснуть, — пробормотал он, бросив взгляд на стройную, прямо сидящую фигуру во дворе. Но, несмотря на внутреннее недовольство, ответил послушно.

Стена, возведённая временно, была невысокой, но покачивающийся на ней молодой господин выглядел весьма тревожно. Инь Яньцзюнь спокойно посмотрел на него:

— Молодой господин, сначала слезьте.

Сюй Яньцин моргнул влажными глазами, бросил взгляд вниз, прикинул высоту и недовольно надул губы:

— Я не могу слезть.

Он выглядел как пьяный, неуклюжий букаш, болтающий ногами и не испытывающий ни

малейшего беспокойства по поводу того, что застрял наверху.

Инь Яньцзюнь неожиданно чуть усмехнулся:

— Тогда что молодой господин собирается делать?

Вот он — настоящий бессердечный мужчина, стоило только вылезти из постели. Сюй Яньциню было невыносимо жарко, казалось, голова сейчас расплавится. Немного подумав, он поманил даоса к себе:

— Даос, подойди... на минутку.

Он едва махнул рукой, и его тело, сидящее на стене, качнулось ещё сильнее — казалось, он вот-вот упадёт.

Инь Яньцзюнь поднял взгляд, и на миг их глаза встретились в молчании. В конце концов он сдался, молча поднялся, поправил складки одежды и подошёл к стене.

— Я сейчас спрыгну, даос. Ты уж лови.

Молодой господин лукаво улыбнулся, затем его тело качнулось — и он действительно прыгнул вниз.

Инь Яньцзюнь подхватил его в объятия. В воздухе мгновенно усилился сладкий аромат персиков. Тело юного господина пылало, будто его охватил жар. Инь Яньцзюнь на миг застыл, не зная, куда деть руки. В его памяти всплыл тот самый вечер — тогда молодой господин тоже был весь раскалённый... И сейчас он не мог просто так оттолкнуть его.

Как только руки даоса коснулись его тела, по Сюй Яньциню тут же пробежала волна электрического трепета. Он прижался щекой к груди Инь Яньцзюня, вдыхая его аромат.

— Даос, ты сам такой холодный, и запах у тебя тоже холодный, острый... — прошептал он, в его затуманенных глазах появилась лукавая мягкость. Он поднял руку и коснулся надменного лица даоса.

Их поза была уж слишком близка. Но Инь Яньцзюнь, как и прежде, лишь спокойно смотрел на юного господина в своих объятиях, лицо его не выражало ни малейших эмоций.

На пухлом лице Сюй Яньциня играл нездоровый румянец, а жар его тела ощущался совершенно неестественным. Инь Яньцзюнь, наконец, нахмурился и вытянул длинные бледные пальцы, прикоснувшись ко лбу молодого господина.

— Опять отравили? — спросил он сухо и, подхватив Сюй Яньциня, отнёс его к письменному столу и усадил на циновку.

Пальцы Сюй Яньциня заскользили по подбородку даоса, нащупав лёгкую щетину — немного колючую, но не раздражающую. Он, будто в бреду, двумя руками приподнял лицо Инь Яньцзюня и покачал головой:

— Нет... я, наверное, заболел. С тех пор как я сюда попал, я какой-то ненормальный стал... словно зверь, что может впасть в течку в любое время, в любом месте.

— Вызвать врача? — Инь Яньцзюнь снова нахмурился.

Сюй Яньцинъ вяло мотнул головой. Затем взял ладонь даоса, длинную и утончённую, и приложил к задней части своей шеи:

— Здесь так жарко... невыносимо.

В голосе звучала жалоба. Он прижался лохматой головой к груди Инъ Яньцзюня, как избалованный котёнок, ищущий тепла.

Кожа под его рукой действительно была обожжённой. Инъ Яньцзюнь невольно начал растирать то место, но юный господин вдруг весь вздрогнул.

— Больно? — Инъ Яньцзюнь на миг опешил и медленно спросил.

Юный господин покачал головой. Его влажные глаза прищурились с довольным выражением, а голос стал почти игривым:

— Ещё погладь...

<http://bllate.org/book/12638/1120921>